
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

***От редакции:** Настоящую, надеемся, постоянную рубрику журнала открываем публикациями в «срезе» творческих сил Литинститута от ректора до студента. В следующем номере «Приокских зорь» будет представлено, по-преимуществу, творчество студентов и слушателей Высших литературных курсов.*

Борис Тарасов
(г. Москва)

ВЕЧНЫЙ УРОК ГОГОЛЯ*

Тарасов Борис Николаевич, ректор Литературного института им. А. М. Горького — один из крупнейших исследователей в области русской и зарубежной литературы и философии, автор 130 научных работ, в том числе 14 книг. Он внес значительный вклад в разработку жанра научной биографии, в синтез филологического знания с историческим и философским. Его монографии о Паскале (М., 1979, 1982, 2006) и о П. Я. Чаадаеве (М., 1986, 1990), а также публикация сочинений П. Я. Чаадаева (М., 1987, 1989) вызвали широкий резонанс в научной и общественной среде в России и за рубежом. В книгах Тарасова Б. Н. «Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский» (М., 1999), «Куда движется история?» (М., 2002), «Мыслящий тростник» (жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских писателей и философов)» (М., 2004) и других работах литературная и философская проблематика творчества Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, П. Валери, К. Ясперса и многих других писателей и мыслителей по-новому рассматривается в контексте коренных антропологических представлений в русской и западной культуре и основополагающих тенденций в отечественной и мировой истории. Своеобразным открытием Тютчева как мыслителя и историка стал подготовленный им в рамках изданий РАН третий том ПСС поэта (новые переводы, текстология и комментарии публицистики).

Его работы переводятся на другие языки. Он является членом диссертационного совета при Литературном институте и входит в состав редколлегии «Вестника РГНФ». Тарасов Б.Н. имеет звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», возглавляет Тютчевскую комиссию при

* Настоящей публикацией мы завершаем «гоголевский» год в журнале «Приокские зори».

Научном совете «История мировой культуры» РАН и состоит в бюро этого совета, является лауреатом Международной премии им. Ф. М. Достоевского, российских премий им. Ф. И. Тютчева и А. С. Пушкина, Золотой Пушкинской и Золотой Тютчевской медалями за сохранение и развитие традиций отечественной культуры.

Передовыми людьми, заключал Гоголь, можно назвать только тех, кто видит все то, что видят другие (все другие, а не некоторые) и, опершись на сумму всего видит все то, чего не видят другие. Одним из примеров такого передового, т. е. мудрого, человека служил для него Пушкин. У последнего в зрелый период его творчества стало вырабатываться, говоря словами Николая Васильевича, нечто подобное «многостороннему взгляду старца», способному откликнуться на все во «внутреннем человеке» — от проявления его высокой и великой черты до малейшего вздоха его слабости. Раскрывая в «Цыганах», «Борисе Годунове», «Евгении Онегине», «Маленьких трагедиях», «Медном всаднике», «Капитанской дочке», в своей собственной душе коренные противоречия человеческой природы, накладывающие свой отпечаток на ход истории, Пушкин отчетливо видел, что внешний прогресс, наука, образование, смена государственных формаций и общественных сословий не освобождают людей от основополагающих страстей (гордость, тщеславие, зависть, сребролюбие, корыстолюбие и т. п.), от «союза ума и фурий», от «сомнительных и лживых идеалов» власти и наслаждения. Что и предопределяет несовершенство очередной исторической фазы.

Гоголь сожалел, что уроки Пушкина не были приняты во внимание. Как мало заботятся об узнании природы человека, сетовал он, тогда как это есть главное начало всему. Неизбывная двойственность человеческой природы, соединяющей, если воспользоваться известными словами Г. Р. Державина («Я царь, я раб, я червь, я бог»), низшее и высшее, зло и добро, эгоизм и альтруизм, порок и добродетель, жестокость и милосердие, бесчестие и совесть, пошлость и благородство, и составляет тайну человека, разгадывать которую, вслед за Гоголем не уставали Достоевский, Толстой, Чехов и многие другие отечественные писатели и мыслители. Ведь от того, какие, темные или светлые, «рабские» или «царские» свойства воплощаются в пропагандируемых идеях, проводимых реформах, господствующих учреждениях, популяризируемой культуре, зависят судьбы отдельного человека, целой страны, всего человечества.

О том, насколько сильны в непретворенной человеческой природе проявления «червя» и «раба», автор петербургских повестей, «Ревизора», «Мертвых душ» рассказал проникновенно и на все времена. По мнению Пушкина, Гоголь, как никто другой, сумел изобразить пошлость пошлого человека, «пугающее отсутствие света» в душах людей. И Гоголь прекрасно понимал, что ни внешние государственные реформы, ни модные социалистические идеи, ни достижения западной цивилизации не искореняют ни хлестаковщины, ни чичиковщины, ни ноздревщины, ни маниловщины, ни других «рабских» свойств человеческой природы. Пустой призрак явился в цивилизации, заявляет он. Ведь ум человеческий идет вперед и становится понастоящему мудрым, когда идут вперед все нравственные силы личности. В противном случае он не только стоит на месте, но и тупеет. Наивные прогрессисты, отмечает писатель, стали думать, что образованием и наукой выгонят злобу из мира, а она с другого конца, «дорогою ума», входит в мир и на крыльях журнальных листов, как саранча, нападает на сердца людей: «Люди темные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мнениями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые видимо, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила,— и мир это

видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться? Что за страшная насмешка над человеком?»*

С точки зрения Гоголя, как передового человека, страшная насмешка будет бесконечно повторяться пока, говоря словами В. С. Соловьева, не будет преображена «темная основа нашей природы» и не будут укреплены в ней «положительные силы добра и света», направляющие ум человека по пути высшей мудрости с помощью подлинного просвещения: «Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово «просвещение». Даже и не задумываясь над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь».**

В логике Гоголя, только такое христианское просвещение избавляет людей от свойственных им в разной степени хлестаковщины или чичиковщины, от упомянутых выше основополагающих страстей, препятствующих гармонизации человеческих отношений во внешнем переустройстве. Необходимо внутреннее преображение, которое активизирует в душе ее высшие «царские» и «божественные» свойства и послужит залогом благотворного совершенствования государства и общества. «Общество слагается из единиц,— заключал Гоголь.— Надобно, чтобы каждая единица исполнила должность свою... Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного государства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство».**

Вот и в нашей современной действительности, перенаселенной гоголевскими типажам, словно сошедшими со страниц его произведений, не только в России, но и во всем мире, логика писателя обретает все большую актуальность. Иные нынешние реформаторы, политики и идеологи, которых никак нельзя назвать передовыми людьми, не перестают твердить (хотя закономерно случившийся кризис, если вдумчиво читать Гоголя, несколько умерил их энтузиазм) о технологических, биологических, информационных революциях, о так называемом цивилизованном мире, не замечая не только его оборотные, но и даже очевидно противоречивые стороны, отказываясь от качественного анализа душевно-духовного состояния личности, не задумываясь о неизбежных и естественных последствиях общего хода жизни, имеющего в своей основе не «царскую» любовь и согласие, а «рабскую» конкуренцию и вражду, не пресекающего, а распяляющего и утончающего действия восьми «главных страстей» (гордости, тщеславия, сребролюбия, чревоугодия, блуда, уныния, зависти, гнева). И тогда смена идеологических теорий или обновление социальных институтов, технические успехи или законодательные усовершенствования, декларации «нового мышления» или благие призывы к мирному сосуществованию сами по себе ничего не значат и лишь запутывают непередовые умы (хотели как лучше). В реальности все зависит от фактического состояния «внутреннего человека», от своеобразия его ценностных представлений, побудительных принципов и направления воли, от влияния алчности, властных амбиций или капризов плоти (получается как всегда) и от способности противостоять им высшими «царскими» свойствами в подлинном просвещении (получится как хотелось). Так называемые «эмпирики» и «прагматики» (архитекторы и прорабы как «социалистического», так и «капиталистического» Вавилона), общественно-экономические идеологи всякого времени и любой ориентации, уповающие на разум или науку, здравый смысл или хваткую хитрость, «шведскую» или «американскую» модель рынка, склонны игнорировать стратегическую

* Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990. С. 268.

** Там же. С. 111.

*** Там же. С. 22.

зависимость не только общего хода жизни, но и их собственных тактических расчетов от иерархического порядка (или беспорядка) в душе, от действия (или бездействия) нравственной пружины. «Под шумным вращением общественных колес,— подчеркивал единомышленник Гоголя И. В. Киреевский,— таится неслышное движение нравственной пружины, от которой зависит все».* И еще один важный и актуальный вывод последователя гоголевской логики и ревнителя истинного просвещения, В. С. Соловьева: «Пока темная основа нашей природы, злая в своем исключительном эгоизме и безумная в своем стремлении осуществить этот эгоизм, все отнести к себе и все определить собою,— пока эта темная основа у нас налицо — не обращена — и этот первородный грех не сокрушен, до тех пор невозможно для нас никакое настоящее дело и вопрос «что делать?» не имеет разумного смысла. Представьте себе толпу людей слепых, глухих, бесноватых, и вдруг из этой толпы раздается вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела, а пока вы выдаете себя за здоровых, для вас нет исцеления... Истинное дело возможно, если в человеке и природе есть положительные силы добра и света, но без Бога ни человек, ни природа таких сил не имеет».**

БОРИС ТАРАСОВ С «АЛЕКСАНДРОМ НЕВСКИМ»

В рамках XXI Московской международной книжной выставки-ярмарки, были впервые оглашены победители 2008 года Всероссийской литературной премии «Александр Невский». Всего на конкурс было представлено около 200 работ, из которых в отборный список вошло двенадцать. Интересно отметить, что два первых лауреатских места заняли авторы книг, выпущенных издательским Домом «ОЛМА Медиа Групп». Это «Жизнь и деяния видных российских юристов. Взлеты и падения» Александра Звягинцева и «Николай Первый. Рыцарь самодержавия» Бориса Тарасова, который и стал лауреатом первой степени.

Ректор Литературного института им. А. М. Горького, доктор филологических наук, профессор, член Правления Союза писателей России Б. Н. Тарасов — автор многих книг о выдающихся мыслителях, в числе которых и Паскаль и Тютчев, «Непрочитанный Чаадаев, неуслышанный Достоевский». Только в этом году в разных издательствах у него вышло несколько объемных книг, представляющих для пытливого ума не меньший интерес, в их числе «Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе»).

Церемония вручения высокой награды прошла в резиденции «Талион Шереметьевский дворец» 12 сентября в День Святого благоверного князя Александра Невского. Цель премии — возродить и поддержать интерес россиян к истории своей родины, ее лучшим литературным произведениям, главными героями которых являются крупные исторические фигуры, полководцы, общественные, политические и религиозные деятели.

В своей книге Борис Тарасов на материале документальных свидетельств раскрывает многогранный образ Николая I, которого, по высказываниям современников, «нельзя не уважать», ведь в нем, по определению В.С.Соловьева, «таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала, поднимавшее его над уровнем не только тогдашнего, но и теперешнего общественного сознания».

Как отмечает автор, «эпоха Николая I — это не время перестройки государственной и общественной жизни по отвлеченным идеологическим схемам, а период неустанного труда в самых разных областях...

* Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 153.

** Соловьев В. С. Собр. соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 311, 315.

Вопросы истинного просвещения, его качественного наполнения и самобытного содержания занимали едва ли не первостепенное место в умах современников николаевской эпохи (о чем весьма мало говорится в исторической и исследовательской литературе). И это не удивительно, поскольку именно образование в сочетании с соответствующим воспитанием в духе православных традиций способно показать оборотную сторону тех или иных заимствованных «мечтаний» и стать естественным рычагом не революционных, а эволюционных преобразований в рамках существующей государственной системы...» И хотя Николай I в своих намерениях и планах исходил из идеального представления о синтезе православия, самодержавия и народности, ему не удалось избежать таящейся в монархии опасности властного произвола, подавления чиновничеством народа, погашения личностной самостоятельности и творческого почина.

Отсюда трагизм этой неординарной личности, которую одни именуют «тираном», другие «рыцарем», личности, провозгласившей для себя превыше всех ценностей отеческое благоустройство России и понятие долга как жизненную основу. «Это слово имеет священный смысл, перед которым отступает всякое личное побуждение,— писал он,— все должно умолкнуть перед этим одним чувством и уступать ему, пока не исчезнешь в могиле». Высказывание Николая I: «Мне особенно приятно видеть, что главная цель военного воспитания обращена к развитию в юношах чистых правил нравственности и чувства чести», нашли свою практическую поддержку у учредителей литературной премии «Александр Невский», «ОАО «Талион» (Санкт-Петербург) и Союз писателей России», которые на торжественной церемонии объявили о передаче нескольких сотен книг в историческую библиотеку Кронштадтского морского кадетского корпуса.

Галина Яковлева

Галина Дубинина
(п. Шексна Вологодской обл.)

...БЫТЬ ПОЭТОМ...

Родилась в Латвии, но говоря словами А. С. Пушкина, «служу по России»: довелось побывать в ее южных и северных краях, нечерноземной зоне, в Забайкалье, поэтому и Родина для меня — это она — Россия, Русь вся с ее болями и бедами, с ее неизменным свободолюбивым «русским духом» с родовыми корнями, ведущими в брянские леса, откуда вышли мои родители. Среднюю школу, медицинское училище и пединститут закончила в городе Чите, непосредственно связанным с трагическими судьбами декабристов; в Москве — Институт культуры и Высшие Литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького, в котором сейчас и работаю.

* * *

Ты спешишь — у тебя жена,
У меня же в друзьях вольный ветер,
Дома — холодом обожжена,
А на улице он приветит.

Обласкает и закружит,
Унесет, отогрев, под деревья,
В кронах шепот листвой ворожит
Легким вздохом его: «Ты верь мне!»

И на зов откликается слух,
Окунаясь в воздушность стихии,
Где России свободный дух,
Словно дань собирает стихи ей.

Этих звуков не расплескать,
Слов сердца, обжигая Светом.
У тебя — жена: приласкать,
У меня — судьба: быть поэтом!

* * *

Поэт приговорен, как дважды два,
Он жизнью всей идет к смертельной плахе.
Не зря по нем звонят колокола,
Держа владык на непонятном страхе.
В бесстыдной пляске жрицы весть одна —
Спасенье мира движется к Иуде,
И с плеч Предтечи снова голова
Плывет по кругу в золоченом блюде.
И стон души срывается на крик
И хлещет, словно кровь, открытым горлом,
И торжествуя черный проводник
Колдует вновь над пламенем минорным.
Но светоч мира вечен во Христе,
И Слово просияет в росной влаге,
А в нем Поэт — распятым на кресте,
И восхожденья оттиск на бумаге.

* * *

Вновь осень закружилась с ветром в такт
И, одарив воздушным всех приветом,
Осыпала Россию — добрый знак! —
Звенящим золотом имен своих поэтов.
В содружества вхожу круговорот,
Где словом каждым строчка потрясает
И пламенем своим сжигает рот,
И в горечи рябины не сгорает.
Есенин, Бунин, Лермонтов, Кольцов...
Движеньем Небо букв сплетает марево,

В них проступает женское лицо —
Вся в синем Фокина и алая Цветаева

* * *

Марине Цветаевой

Глаза у Осени
 в море — синие,
А губы цвета
 рябины спелой.
Они на исходе
 зрелого лета
Имя Марины
 шепчут несмело.
Звуки осенние
 с привкусом горечи,
С ветра надрывом
 и далью странствий.
А золото света
 для избранной дочери,
Пронзающей словом
 века и пространства.

* * *

Узоры вычерчу стихов
И вышью песнь веков о вечном.
Нижу, нижу я жемчуг слов
На нить в потоке бесконечном.

И по канве каскад миров
Читаю судьбами поэтов,
Ищу незыблемых основ
В предошущем Божьем света.

Гадаю рифмами стихов,
Метафоры тасую, тропы,
И лунный след скользит во вновь
Образовавшиеся строфы,

Что, от меня сбегая прочь,
Пьют звездный свет, и с силой новой
Судьбой Поэта правит ночь,
В слиянии с ним рождая Слово.

* * *

Какое Слово мне найти,
Чтобы беду твою утешить,
Унять, руками развести,
От росных губ и глаз отмежить.
От родниковой синевы,

Весной сбежавшей с косогора,
Отлить всю суетность молвы
В потоке жгучего укора.

Какое Слово написать,
Чтоб улеглись полей печали,
Чтоб каждый шаг оберегать,
Дорог минуя горьких дали...
Касаясь взором стертых ног
Деревьев, жмущихся к забору,
Взойти на дедовский порог,
Встречающий в любую пору.

Какое Слово мне напеть,
Древнейших тайн открыв страницы,
Чтоб душу Родины согреть
Под вздох домашней половицы.
О, если бы вела меня
Над Миром неземная сила,
Россия, деточка моя,
Я б на руках тебя носила.

* * *

О России столько спето, сказано,
Разве ж я добавить что смогу?
Ходит сказка грустью недосказанной
Где-то на некошеном лугу.
Ластятся пушистые ромашки,
Умывает дождик детский след,
Жизнь латает глупые промашки
Наших судеб и минувших лет.
Метит строчкой вспаханное поле,
В будущее ставит нам кресты.
Неизменна ты, России доля —
Рушит пламя древние мосты.
Полыхает зарево пожара,
Снова стелет кровью жаркий свет.
Жизнь моя, ты ж гладью вышивала,
А прошила сердце в алый цвет.
Только песня синью разольется
Над великой русскою рекой,
И несется Тройка-Русь, несется
За своей неузнанной звездой.

* * *

Расхристана, предана, продана,
Плевками распята в грязи.
Да, вот она, вот она Родина —
В крови детородной скользит.
Боль вдох задавила удушьем,

А рядом смеются и пьют,
И мимо идут равнодушно,
Отвергнув бескровный приют.
Лишь только убогий да сирый
Мальчонка поможет ей встать,
Продрогший, завшивленный, хилый
Он вспомнит забытое — Мать.
И Память, встряхнув пепелище,
Притянет прозрачной рукой,
Погладит, прошепчет: «Поищем,
Сыночек, дорогу домой».
Псы ночь диким воем кроили,
Глодая промозглую тьму...
— Как, мамушка, ноги изныли...
— Терпи,— наклонялась к нему,—
Мой милый, хороший,— шептала,
Не видя дороге конца,
А осень на лошади шалой
Неслася под стон бубенца.
И ягод чернеющих спелость
В горстях подносила к лицу,
И что-то забытое пелось
В созвездиях, шедших к Стрельцу...
Упал, подняла и прижала
Кровинку вселенной к груди
И с месяцем тихо качала,
В болезненном шла забытьи.
Но вечности детская зыбка
Ударила Мир по плечу:
— А купит ли папа мне скрипку?
Я быть музыкантом хочу!
Мозоли Путь Млечный месили,
Свет звезд звоном падал в суму,
И Небо встречало Россию,
Ведущую Сына к Нему.

* * *

Как сорняки, сынов скосили,
Дождь бился в мертвое плечо...
Недетскими, глаза России,
Доколь вы будете еще?

* * *

Вы видели глаза своих детей?
Голодные глаза
Под мирным русским небом,
И ковылем заросшие поля,
Свободные от совести и хлеба,
Когда, сгущая марево теней,
На Родину явившееся лихо

В заложники вело учителей,
Врачей, безденежьем давя их тихо, тихо...

Вы ощущали на своих руках
Ребенка невесомость и бесплотность,
Как однозначность смерти естества
И жизненную нашу безысходность?
Когда лишь только силою Любви,
Немыслимою силой напряженья,
И всем святым отчаяньем души,
Мы их спасали от уничтоженья.

Когда мы вновь учили их ходить,
Не падая на слабые колени,
И не бояться темноты окна,
Пустого холодильника гуденья.
И забывать, что нету молока,
И хлеба нет... Так выживают люди.
И понимать — вот мамина рука,
А папиной совсем уже не будет.

Вы слышали их главные слова?
Где рядом с Мамой слово — Любит, любит,
Связавшее основу бытия
И предков дух, что рабство волей рубит.
Сынишка мой в три года это знал.
И блин последний, в пол упавший мордой,
Он как собака с пола не поднял,
Сказав: «Я — Человек!» Звучало это гордо.

* * *

Свет расплескался дерзко и легко,
Колышет ветер алость майских стягов.
И вновь встряхнуло память, повело
Военною тропею горьких знаков.
В земных корнях судьбы моей побег,
И время сгустком тромба вязнет в крови,
В которой свыше званье Человек
Записано из ветхо-древней нови.
В ней гена заповеданным ключом
Прикрыты все деяния планеты,
И если повернуть его плечом,
Подставленным под вещие заветы,
Прорвет меня их смертный крик: «Горим!»
И вспомнится, как нас учили в школе:
Рабы не мы, пока мы говорим,
Пока есть Слово, жгущее до боли!
Немы рабы — им соль земли пресна,
Ни ручка не нужна им, ни бумага...
Горчит слезой Победная весна
И голос рвет кровавой раной стяга.

Внушив Поэту: «Не умру я!»
И смерть, как крепость бытия,
Бессмертья обретеньем станет,
Пометкой звездного литья
Над Русью вечный след оставит.

* * *

Как участь всех творцов фатальна,
И на изгибах бытия
Их вечность метит изначально
Дыханьем пламенным огня.
И на любом витке познания,
Пределы косности круша,
В полете, в поиске, в дерзанье
Неукротима их душа.

* * *

Разлились синие озера
И затопили цвет у глаз,
И тихой музыкой минора
Стихи кружились возле нас.
Приливом имя затихало,
В изломе обрамляясь губ,
И нежной болью разбивалось
О жизни каменный уступ.
Качнулись сходни у причала,
Под плеском сини два весла,
Перечеркнув конец началом,
Нам Осень мудрая несла.

* * *

Все равно душе тепло оттого, что где-то рядом
Даже, если не со мной, ты живешь моя отрада.
Все равно душе светло, как бы жизнь меня ни била,
Оттого, что где-то ты, значит, счастье в жизни было.
Было, мимо ли прошло, была все это или небыль,
В нашем доме ты со мной был когда-то, или не был?
Нагадаю сказку я, сочиню, а ты послушай,
Как под звук веретена древностью спасаю душу.
Словно верная жена я омою твои раны.
И молиться за тебя не устану, не устану.
На добро, за мир да лад отгорит, остынет свечка,
Воскам этим от тебя отолю свое сердечко.
Все равно душе тепло и нисколечко ни больно,
Я теперь твой взгляд могу встретить и пройти спокойно.

* * *

Когда любовь и дружба предадут
И в птичьей стае лет исчезнут прежних,

Глаза и руки в землю прорастут,
Войдут в траву, в смутившийся орешник.
В слезах души земная выйдет соль,
Дыханием в одно сливаясь с нею,
Ты постигаешь вековую боль
Отечества, своей не разумея.
И уходя в земли цветной мираж,
Себя даруешь верою и силой...
И на ногах твоих, как верный страж,
Земля отцов с рожденья и — в могилу.

* * *

Я вышью узоры своими земными шагами,
Я голос твой вышью, бессонницей лунной строки,
Я вышью души обезлюдевшей вспышки и шрамы,
И Храмы, и Храмы ее у пречистой реки...
Я вышью ту жизнь, что идет за окном в мирозданье,
И тайны его обозначу обычным крестом,
Который отметит и путь моего созиданья,
И ниткою вечности высветлит нужный мне дом,
Здесь ждут моего возвращенья и даже признанья,
Что солнечный свет не забыт и огонь ты хранишь.
Здесь времени нет, возраст — лишь отраженье в сознанье,
А есть бесконечность, и вновь нерожденный в ней спишь.

Александр Виноходов
(г. Вологда)

ДВОРНИЦКИЕ (3)*

23 года. Родился в Москве. Детство и юность провел в Вологде. В настоящий момент учится в Литинституте на 4 курсе.

1.

дым за окнами, желтый и синий
ни уехать, ни даже привстать;
у помойки, обугленно-пыльный,
дядя бомжик листает тетрадь

* Публикуется в авторской редакции, синтаксисе и пунктуации.

видно, школьница, милая очень,
сочиняла всю ночь напролет
про любовь и про то, как неточен
в ожиданиях каждый, кто ждет

вряд ли многое было понятно
заглянувшему в мусорный бак,
только жирные круглые пятна
на листке с надписью «Доширак»

невозможно закончится куче,
опрокинутой грязным ведром,
на помойном отрезке зыбучем,
захлебнувшись в тетради, умрем

2.

а я бы сам хотел листочками
березовыми или кленовыми...
и падать на мамашу с дочками
и песиками их довольными

и утром дворнику-пропойце
нашептывать сухие звуки
о том, что жизнь уже не сложится,
когда в метле сухие руки

и вечером лежать и маяться,
разглядывая свой контейнер
обнюхает сперва дворняжица,
потом заносчивый ротвейлер

зима сотрет воспоминания
останутся сухие строчки
поэтов для напоминания:
цвели душистые листочки

но если у пространства-времени
найдется метр или секунда
не стоит чувства сожаления
и совестливости та груда

3.

распрощаешься с музой высокою —
больно много хотела, свинья,
лучше горькую пить синеокую,
и чтоб рядом курила шпана

лучше быть избиваемым гопником
или листья скрести у пруда —
не ивановским в вечности дворником,
а другим, что с метелкой всегда

хорошо, что сегодня не пятница —
это значит, еще поживем
листик к дворнику приближается —
видно, правда, нужнее вдвоем

это было зимою декабрьскою
так давно, что и губы молчат
мы отдались с любовью и ласкою
в неприятный останкинский ад

раздавали бесплатные пряники
продащицы у памятных плит
в этом холоде, девочки, мальчики
ничего нам не надо платить

только третьи и двадцать девятые
останавливались по утрам
и безногие, синие, датые
прижимали безруких к дверям

в эту вечность, забитую временем,
не вмещается память тепла
видишь, в парке табачном и пепельном
руки дворника держит метла...

и несносные листья вращаются
как еще говорят, наугад,
это музыкою называется
или осенью — так говорят

мысли вслух — не о скучной конечности
не о чувстве, что прошлое — бред
«Больше неба, тепла, человечности.
Больше черного горя, поэт...»

* * *

на вокзале районном
за пивными ларьками
некто в холоде черном
обнимался руками
приставали ребята
обижали за что-то
и вокзального гвалта
доносилась суббота
вот бы опохмелиться
только пива глоточек...

чтоб с товарищем биться
за далекий платочек
не за ту, что держала,
и надеялась скрыться
а за ткань, что дрожала,
и светила на лица
только пива бы, пива...
чтобы рядом бывалый
улыбнулся некриво
и ладонью беспалой
приобнял дорогого
из-под черного танка
без ноги, но живого —
вспоминай меня, Ванька!
вспоминай меня, прочий!
и гармонь доставай-ка
сталинградец-рабочий
и сестра-сталинградка!
на вокзале районном
где встречаются в парадном
на автобусе черном
мы уедем обратно

* * *

Свердловск щемящий был у Бори Р.
Нет у меня такого Екатеринбурга
Мне не пришлось подраться во дворе
Отведать кулака того придурка

Я в школе думал, как мы далеко
Как звезды нам, чем две столицы, ближе
И пил по вечерам густое молоко —
Теперь оно разбавленной и жиже

Была и девочка в пальтишке и с мячом
Но мячик наш отскакивал от стенок
и небо за ее мальчишеским плечом
я полюбил в тот школьный пересменок

я убегал за гаражи, за самосвал
кружились девяностые, как черти,
и мячик навсегда уже кидал
той девочке, что не боялась смерти

то не Свердловск, не Екатеринбург
какая разница, теперь мне нету дела
я не на той скамейке, милый друг,
где ты, счастливая, не знала, что болела

* * *

ничего не изменилось после Блока —
ночь да мрак
и Иванов знал, что все давно жестоко
и Пильняк

все писали об одном и том же —
счастья нет
но среди всех слов мне ближе и дороже
Петербургский бред

Вот поэтому иду я вдоль канала
Имени Москвы
Счастья нет, и остального мало,
как листвы

та листва пройдет, как все проходит
в городах
может быть, в Олонии, где холод,
«Клюев» на дверях

или на свердловской улице Титова
поджидать трамвай
он приедет, громыхая снова —
жди и не зевай

только бы туда, где листвы не смолкают,
где всегда они
где они не знают, что не умирают,
Как ни хорони

* * *

Умри, но только утром или днем
Когда вечернему вину ты не обязан
За будничным поруганным столом —
Пока ты нем, пока не безобразен

Ты начинал, как все, как и они
Ты циркуляром вел по тем же картам
Но с каждым днем поверженные дни
Сжимали победившего канатом

тогда еще отряд винил себя
и вечером бранил удары рока
Но утром золотистая труба
звала опять победою далекой

и поднималось солнце со щитов
меняя сон на тяжесть лат и палиц
И в блеске разрисованных гербов
Ты выглядел как шут и оборванец

И плелся, как и все, как и они
Ты веровал в непогрешимость Рима
Но Рим оставлен был в младенческие дни
А память выцвела от мужества, от дыма

и с каждым днем скудели валуны
и кони слепли от пустынного накала
ты целовал песок чужой страны
Ты закрывался им, как одеялом

И засыпал, нанизанный на сон,
и родине своей шептал прощанье
Ты видел нежный Рим и папский трон
и проклинал свое забыванье

Но солнце более не трогало тебя
И ночь тебя уже не укрывала
Играла золотистая труба
И в голове твоей дитя играло:

Как любят нас и как прощают нас
О боги, как пустынно это небо...
В последний раз не закрывая глаз
Я требую не зрелищ и не хлеба

что разум? я давно сошел с коня
что мужество без бронзы и латуни?
Что ум, когда в нем нет меня?
Что Рим закопанному в дюне?

Я начинал, как все, как и они
я падал на промокшую дорогу
и дождик лил с восточной стороны
но из стремян я не убавил ногу

как любят нас и как прощают нас
я вычислял под этим новым небом
в сто первый раз не закрывая глаз
на красное вино, пропитанное хлебом

я пил и пил, и выпит я до дна!
но что мне в том теперь, на этом месте
как хорошо, что небо, пропасть, тишина
как хорошо, что звезды лет еще на двести

я их простил. Кого еще простить?
Коня прощу — он умирал, как воин,
Он просто замер, перестав юлить,
И даже падая, был нем и благороден

Я все простил. Остался только я
Теперь я в настоящем до заката
Играет в сердце белая ладья,
но гадкой песенкой та музыка чревата

* * *

невидим снег был в этом феврале
но он не умирал, он ночью падал
и шарфик той красотки не белел,
а я не знал про то и я не плакал

я просто жил, точнее говорил,
что жизнь начнется после снегопада
и шарфик юной женщине дарил
и уверял, что шапочки не надо

невидим снег, невидимый мой снег,
давай покинем воздух европейский
давай туда, где мальчик-печенег
зарежет нас в каком-нибудь пролеске

а шарфики-трофеи будут жить
и милая дикарочка печально
распустит окровавленную нить
потом сошьет, как помнила, обратно

а женщина на северной земле
среди домов однообразных будет
и только в том бесснежном феврале
судьба ее без шарфика забудет

